

Елена Усачева

Дом тысячи страхов

«ЭКСМО»

Усачева Е. А.

Дом тысячи страхов / Е. А. Усачева — «Эксмо»,

В толще темной воды гигантский спрут протягивает к Вовке свои жуткие щупальца; полуистлевший мертвец крепко держится за гроб, в котором лежит... сам мальчик! Конечно, такой кошмар может присниться каждому, но в том-то все и дело, что в проклятом старом доме, где поселились на каникулах Вовка и его друзья, страхи становятся явью...

© Усачева Е. А.

© Эксмо

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Усачева

Дом тысячи страхов

Глава I

Кукла с черными глазами

Все началось со сна. самого обыкновенного кошмара, который может присниться каждому. Но не у каждого сон становится реальностью. А вот у Вовки Наковальникова стал.

Поверхность озера была где-то там, далеко-далеко вверх. Отсюда, с глубины, казалось, что над головой плавают сотня рыбок с серебристыми брюшками. Все они красиво переливаются на солнце, но смотреть на них неудобно, глаза режет от яркого света.

– Во-о-овка!

Сквозь толщу воды звук почти не проникает. Всплывать не хотелось, смотреть наверх было неудобно, поэтому Вовка поплыл вниз. Все глубже и глубже, навстречу темноте. На мгновение мелькнула тревожная мысль, что если он и дальше будет уходить от поверхности, то ему может не хватить воздуха на подъем. Но дышать было необязательно. Здесь вообще все было необязательно. Можно было не дышать, не шевелиться, закрыть глаза, заткнуть уши. И все равно попадешь туда, куда ты ДОЛЖЕН попасть.

Темнота обступила Вовку, втянула в себя. Наковальников дернулся обратно, но вокруг раздался дружный гогот.

– Не трепыхайся, малец, – прохрипели у него над ухом и больно толкнули в спину. Если бы вокруг не было воды, он, наверное, упал бы. А так – вода мягко подхватила его и вытащила на свет.

Вовка встал на ноги, провалившись по щиколотки в мягкий ил, убрал со лба длинные волосы, мешающие смотреть, и огляделся.

Дно было усеяно мусором, палками и досками. Среди всего этого безобразия стояло штук пять старых сундуков, стянутых железными лентами. Два передних были распахнуты, остальные закрыты на тяжелые висячие замки. Один из раскрытых сундуков был доверху наполнен чем-то блестящим, похожим на драгоценные камни. В другом если что и лежало, то на самом доньшке – с Вовкиного места видно не было.

– Давай, иди! – снова прохрипели ему в спину.

Из-за сундука вынырнул спрут – гигантское чудовище с большими глазами, серым телом-мешком и постоянно шевелящимися мощными щупальцами с двумя рядами присосок. Чуть ниже глаз, сбоку, виднелась короткая трубочка, из которой вытекала тонкая струйка чернил. Но это происходило, только когда осьминог сердился.

Сейчас же он внимательно посмотрел на замершего Наковальникова и вдруг промурлыкал неожиданно ласковым голосом:

– Веселее, малыш! Покажи нам, что ты принес.

Вовка машинально сделал еще один шаг и оказался около сундуков. Только сейчас он разглядел, что в них, помимо драгоценных камней, лежат блестящие желтые монеты и украшения.

Впереди материализовался тощий тип в драном пиджаке и стоптанных штиблетах. В костлявом кулаке он сжимал весело позвякивающую диадему. Дойдя до пустого сундука, он размахнулся и со злым уханьем бросил свою ношу внутрь.

Настала очередь Вовки. Спрут подполз поближе.

Наковальников не шевелился.

– Но у меня... ничего нет, – прошептал он, чувствуя, как по спине начинают бегать противные мурашки, как холодеет внутри и этот холод распространяется по рукам и ногам.

– А ты посмотри внимательней, – вкрадчиво посоветовал спрут, мигая огромными невинными глазами.

– Нет у него! – недовольно хмыкнули сзади. – Чего тогда торчишь здесь? Тоже мне – покойничек!

Вовка обернулся.

За ним стояло странное существо, получеловек-полускелет, закутанный в саван. Под мышкой он держал небольшой гробик, обитый желтенькой тканью с бахромой. Монстр нетерпеливо топтался на месте, и гробик с легким звоном гулял из одной его руки в другую. В выцветших губах чудовища тлел грязный окурок. Вовка просто обалдел, потому что впервые видел сигарету, горящую в воде.

– Давай, шевелись! – Скелет грубо толкнул Вовку в грудь. – А то второй раз утонешь.

«Утону?» – хотел спросить Наковальников. Только сейчас страшная догадка потрясла его.

Вот почему ему не надо дышать, смотреть и даже шевелиться! Он утонул! Нырнул слишком глубоко и не смог вынырнуть. Вокруг него покойники. Они зачем-то здесь собрались... Видимо, затем, чтобы оставить накопленное за всю жизнь в этих сундуках.

От расстройства Вовка сжал кулаки. В правую ладонь врезалось что-то острое.

Не веря своим глазам, Наковальников поднес находку чуть ли не к носу. Не будь вокруг столько свидетелей, он бы ее лизнул, чтобы удостовериться в том, что она существует на самом деле.

Это были три крупные монеты тусклого желтого цвета, стесанные по краям наподобие восьмигранников. На обеих сторонах когда-то что-то было изображено. Но сейчас все стерлось, остались только неровности, напоминающие о бывшем узоре.

– Дорогой ты наш! – ринулся вперед спрут, но добежать до Вовки не успел.

– Сколько можно с ним возиться! – возмущенно заорал стоящий сзади скелет. Гробик полетел на землю, углом стукнулся об удачно подвернувшуюся деревяшку и распахнулся. Колыхнулась разорвавшаяся желтая ткань. Из-под нее вынырнула небольшая кукла в пышном голубом платье, со светящимися черными глазами и бросилась к сундукам.

Когда ил осел, стало видно, что в гробу остался еще кто-то.

«Не смотри!» – приказал себе Вовка, но любопытство взяло верх. Он качнулся вперед.

В гробу лежала еще одна кукла. Это был мальчик, одетый в водолазку и вельветовые штаны, непокорные светлые волосы зачесаны назад. Как только Вовка склонился над ним, мальчик открыл огромные кукольные глаза. Тонкий рот дернулся, растягиваясь в кривую усмешку. Кукла стала подниматься. И чем больше она вставала, тем яснее становилось Вовке, что это не просто кукла.

А точная его копия.

Вовка Наковальников в уменьшенном варианте.

– Нет! – завопил Вовка, закрывая ладонями лицо. Забытые монеты скатились на землю. – Убирайтесь!

Но даже сквозь зажмуренные глаза и ладони он видел, как поднимается двойник, как тянутся его руки к нему, настоящему Вовке Наковальникову.

Одного касания этих кукольных пальчиков будет достаточно, чтобы Вовка умер второй раз... Теперь уже окончательно и бесповоротно.

Надо бежать!

Ноги задеревенели и не слушаются.

Кричать, звать, чтобы помогли!

Вода залила рот и легкие – ни крикнуть, ни вздохнуть не получается...

Хотя бы отодвинуть гроб со страшной куклой подальше от себя!

– Подбери что кинул, змееныш! – прошипел сзади хозяин гроба.

Вовка вздрагивает, откидывается назад и сначала бьет по истлевшей физиономии злобного советчика, а потом – по гробу. Вскидывается, чтобы снова ударить, но руки сводит судорогой. Больно, очень больно! Наковальников кричит, падает на землю. Взметнувшийся ил забивается в рот, нос, уши, глаза. Теперь он ничего не видит и не слышит. В этот момент сверху опускается что-то темное. Пальцы нащупывают бахрому и мягкую обивку.

Это... это крышка гроба!

Раздаются оглушительные удары. Тяжелые молотки бьют о ржавые головки гвоздей – гроб заколачивают.

Вовка визжит от ужаса, руками рвет мягкую обивку, пытается поднять крышку. Ледяной ужас окатывает его с головы до ног.

Голове становится прохладно и свободно. Наковальников дергается, сбрасывает с себя мокрое одеяло, с шумом вдыхает прохладный утренний воздух и... открывает глаза.

Рядом послышалось противное хихиканье.

– Ну что, Наковальня, утонул? – уже в открытую заржал знакомый голос. – На, еще покупайся.

Не успел Вовка прийти в себя, как на голову ему снова полилась вода – вредный Колька Спиридонов вылил на него содержимое котелка.

– Дурак ты, Спиря! – выкрикнул Вовка, выбираясь из залитой постели.

Колькин смех потерялся в дружном хохоте остальных ребят. Хохотал Макс Галкин, звонко хлопая себя ладонями по голому животу. Смеялся, уткнувшись в подушку, Сережка Пашкович. Рядом с ним, издавая квакающие звуки, прыгал на своей кровати его закадычный друг Пашка Серегин.

– Да ну вас! – окончательно разозлился Вовка, кидая мокрое одеяло в Спирю, который все еще стоял поблизости с котелком в обнимку.

Наковальников понимал – какой бы грозный вид он сейчас ни принял, его все равно не испугаются. Разве может кого-нибудь напугать невысокий худой мальчишка с нежными девчачьими чертами лица, с длинными тонкими руками, с непокорными светлыми волосами, которые упорно не хотят лежать так, как их причесываешь, а все время норовят упасть на глаза?

Поэтому он ничего не делал, а только стоял, злился, сопел и с ненавистью смотрел на веселящихся ребят.

Вовка никогда не любил смотреть свои фотографии. Мимо зеркал он не проходил, а пробегал, чтобы лишний раз не расстраиваться. И в кого он таким уродился? Настоящее стихийное бедствие!

В школе мальчишки не хотели принимать его за своего. В драках и разборках он не участвовал, через заборы лазить не умел, про свой успех у девочек не врал, да и курить пока не спешил. Так он и прозябал на своей последней парте, запустив в светлые вихры пятерню, с тоской урок за уроком разглядывая класс.

Время от времени перед его носом опускался очередной самолетик, журавлик или в несколько раз сложенная разноцветная записка. Это неугомонные девчонки закидывали его шуточными любовными записками. Ничего! Вот когда они подрастут, тогда поймут, как жестоко в нем ошибались!

Но пока седьмой класс, не девятый – и приходится терпеть...

Забитый со всех сторон, Вовка однажды в порыве отчаяния пошел и записался в клуб «Бригантина», где в одном из отрядов ребята учились морскому делу – ходили под парусом на катамаранах, вязали узлы, умели разводить костры под дождем и снегом, ходили в походы, пели веселые песни. В отряде Вовку приняли хорошо – никто не дразнил, не гонял. Суровые «морские волки» не признавали мелочных разборок по такому пустяковому поводу, как внеш-

ность. Вскоре отряд для Наковальникова стал родным домом. Вовка быстро освоился с премудростями водной стихии, научился ставить парус и выбирать нужный ветер.

Летом отряд вышел на свою первую парусную практику. Быстро покидав вещички в рюкзаки, взвалив на плечи тяжелые чехлы с разобранными катамаранами, ребята приехали к Лисьему водохранилищу. На пароме переправились через канал, соединяющий водохранилище с двумя речками, и «бросили якорь» в домике рыбака.

Ближайший месяц жить им предстояло в двухэтажном деревянном здании. С одной стороны от цивилизации они были отрезаны каналом, с другой – затоном – водой, оставшейся после весеннего разлива водохранилища. Сам домик стоял в небольшом заливе, за которым начиналось водохранилище.

Но ребят не интересовала «большая земля». Главное, что от хлипких деревянных мостков лодочной станции можно было, ловя попутный ветер, выйти на свободную воду, а потом уже мчаться вперед, куда занесет тебя вольный шквал. Чувствовать, как напрягается от порыва ветра парус, как режет руку шкот – специальный крепежный трос, как захватывает дух от скорости. А все эти слова – гик, такелаж, грот. Было в этом что-то от Карибского моря, пиратов и хриплого крика попутая: «Пиастры! Пиастры!»

И все было хорошо, пока не стало совсем плохо. На второй же день Вовка рассказал ребятам, что боится воды и не умеет плавать.

Моряк, не умеющий плавать! Смешнее сочетания не придумаешь.

Теперь на Наковальникова вода лилась постоянно. То, что его утопили в кровати, – это еще не худший вариант. У ребят хватило бы ума вместе с постелью донести его до водохранилища и отправить в таком виде немного искупнуться.

Он должен пересилить себя и научиться плавать, иначе вечно ходить ему сухопутной крысой и тонуть в стакане с компотом.

Если бы не сон, Вовка посмеялся бы с ребятами и попросил ехидного Спирию научить-таки его плавать. В уважительной просьбе Колька не сможет отказать.

Но сон не давал Вовке покоя. После него не хотелось ни просить, ни идти к воде. А месяц только начался! То ли еще будет через неделю...

Распахнулась дверь, и на пороге нарисовалась высоченная фигура одного из их капитанов – Ирки Винокуровой.

– Я же просила не поднимать всех раньше шести часов! – грозно произнесла она, сдвинув брови и сверкнув из-под черной челки пронзительными темными глазами.

На незнающего человека Ира действительно производила впечатление. Высокая, крупная, с разметавшимися по плечам густыми волосами, с тяжелым овалом лица и вечно недовольным выражением глаз, эта девушка у каждого отбивала охоту с ней разговаривать. А вдруг прибьет вечно сжатым тяжелым кулаком?

Хотя на самом деле Ира была добрейшим человеком, и мальчишки знали, что пройдет секунда и в суровом взгляде их командира появится веселая искринка, а грозно сомкнутые губы расплывутся в приветливой ухмылке. Она бы и сейчас уже улыбалась, если бы не вспомнила, что учится в педагогическом институте и должна показать перед ребятами свой твердый педагогический характер.

– Раз не спится, – вкрадчиво произнесла она, быстро оценив ситуацию, – тогда вставайте и отправляетесь на кухню перебирать гречку и варить ее на завтрак. – Ребята уже открыли рты, готовые начать возмущаться. Винокурова повернулась к Вовке: – А Наковальников идет на двор сушить свое одеяло. Заодно проверит катамараны – не унесло ли их ночным бризом. На сборы пять минут. Время пошло.

Ира вскинула руку с часами к глазам, исподволь поглядывая на ребят.

Сначала они пытались кричать. Но капитан красноречиво постукала ногтем по циферблату и покачала головой. Этот жест означал только одно – если ее подопечные не уложатся

в пять минут, то на кухню отправятся в том, в чем продолжают сидеть на кроватях. Причем пойдут они туда добровольно, потому что на помощь Винокурова позовет своего напарника и тайного воздыхателя Антона Виноградова. Против Иры Антон выглядел маленьким и худеньким. Но если Винокурова брала силой и грозным внешним видом, то Виноградов брал непоколебимым авторитетом и метким словом. С ним хорошо было дружить и совсем плохо ругаться.

Ребята дотянули время до последнего, в минуту покидали одеяла на кровати, натянули шорты и, притворно вздыхая, вереницей потянулись на первый этаж.

Вовка шел последним, нагруженный полным комплектом своей постели – одеялом, бельем и матрасом.

– Наковальников, – простонала над ним Ирка, – я бы на твоём месте обиделась.

– Я и обиделся, – буркнул Вовка, стараясь как можно быстрее пройти опасный участок коридора с капитаном.

– Да не на них! На себя! – с чувством произнесла Винокурова. И пристыженный Вовка галопом помчался по лестнице вниз.

Утро звенело и искрилось всеми звуками и красками, какие только можно придумать, – орали птицы, стрекотали кузнечики, слепило солнце, безмятежно плескалась вода. Наковальников быстро развесил свое добро на веревках сушиться и побежал к мосткам.

В это время из-за угла дома вышел сухонький старичок, в рваной курточке и стоптанных башмаках, коленки на линялых тренировочных были растянуты. Старик проводил взглядом рано вставшего обитателя дома, недовольно покачал головой с редкими седыми волосами и скрылся там же, откуда вышел.

В ту же секунду окно на первом этаже справа от входа распахнулось, и из него снова выглянул старик, очень похожий на предыдущего, только вместо тренировочных и куртки на нем была старая пижама. Это был хозяин домика, полуострова, мостков и полузатонувших лодок – Андрей Геннадиевич Малахов. Он так же мрачно посмотрел на радостно прыгающего Наковальникова и так же сурово покачал головой. Малахов с большой неохотой согласился принять у себя парусный отряд. Но в это время года других постояльцев ждать было бессмысленно, поэтому приходилось принимать тех, кого подбрасывала судьба.

В этот раз судьба оказалась коварной, и жильцы нравились ему все меньше и меньше. Мальчишки, сующие везде свой нос, жеманные девочки, слишком молодые руководители. От грядущего месяца ничего хорошего Андрей Геннадиевич не ждал. Поэтому-то с таким недоверием и смотрел в спину убегающего Вовки.

От мостков водохранилище казалось огромным морем – противоположный берег терялся в утренней дымке. Далеко-далеко на левом берегу виднелись домики деревни. Справа за высокой насыпью прятался канал, по которому туда-сюда сновали теплоходы и пассажирские пароходики. Они выныривали из шлюза, проходили паром и исчезали за бесконечными поворотами далекой реки. Отсюда их видно не было. О том, что пароходы проходят, можно было догадаться по плеску воды да приветственным гудкам. И только высокие четырехпалубные красавцы показывали над прибрежными кустами свои макушки.

Вдоль прогнивших мостков плюхались на водной ряби несколько таких же прогнивших лодок и моторок – домик рыбака давно перестал быть излюбленным местом для туристов.

Вовка дошел до конца мостков, лег животом на уже нагретые доски.

Сначала в воде не отражалось ничего, кроме солнца. Потом Наковальников разглядел светлые волосы, тонкий нос, большие глаза. То есть свое отражение, слегка подправленное водной рябью.

Изображение поехало в сторону, а Вовка остался на месте. От удивления он нахмурился, пытаясь вновь увидеть себя там, где видел до этого. На нужном месте ничего не появлялось, а вот в стороне Наковальников номер два вытянулся во весь рост, по бокам у него появились

белые кружавчики, дальше шло что-то черное. Уже догадавшийся обо всем, Вовка отпрянул в сторону.

Кукла в гробу еще какое-то время поболталась под водой, а потом медленно растаяла. Наковальников осторожно ступил на край мостков, на всякий случай глянул вниз. Ничего заметить он не успел, кроме ослепительной вспышки, ударившей по глазам. Голова у него закружилась, и он плашмя упал в воду.

Вовка медленно шел на дно, даже не пытаясь спастись. Вокруг него булькали пузырьки, стремившиеся наверх. Он их провожал взглядом, а сам опускался все ниже.

Колыхнулся ил, шарахнулись потревоженные рыбки, склизкие водоросли потянулись к ногам и стали быстро их опутывать. Из-за замшелого камешка показалась знакомая голова спрута, рот его был растянут в довольную улыбку. Но улыбка сменилась гримасой. Вовка почувствовал, как его потянуло вверх.

И он перестал тонуть.

Через секунду голова его оказалась на поверхности, руки цеплялись за мостки.

– Держись! – оглушительно кричали над ним.

Перед лицом мелькнули бешеные глаза Антона. Капитан что-то еще говорил, но Вовка больше ничего не слышал. Он слабо улыбнулся своему командиру и снова погрузился под воду. Но властная рука Виноградова не дала ему в этот раз утонуть. Антон схватил его за шиворот и одним рывком вытащил на прогретые доски мостков.

– Тебя куда, дурака, понесло? – прохрипел, отдуваясь, Виноградов. – А если бы я в окно не выглянул? Так бы и купался до скончания века?

Вовка закашлялся, переворачиваясь на живот. Мир перестал вертеться, исчезли наглые глаза спрута.

– Они меня утопить хотят, – с трудом проговорил Наковальников.

– Кто? – склонился над ним Антон. – Спиридонов? Я ему уши откручу и к макушке приставлю.

Вовка замотал головой, отчего окружающее снова покачнулось.

– Не... Там мужик с гробом и осьминог какой-то.

Антон с тревогой глянул на Вовку и, ничего больше не говоря, поставил его на ноги.

– Пошли катамараны посмотрим, – пробормотал он, отводя Наковальникова подальше от воды. – Днем будем тебя учить плавать.

От одной мысли, что ему придется вновь плескаться в этом водохранилище, Вовку передернуло. Но Антон понял это по-своему.

– Все в порядке, парень! Держись! Подумаешь – плавать не умеешь! С кем не бывает!

В ответ Наковальников только хмыкнул.

В тенечке у кустов лежало три катамарана. Вовка в который раз подумал, что проще конструкцию и придумать нельзя. Два продолговатых поплавка, наполненных воздухом, между ними натянута палуба, как раз чтобы разместились три человека. К алюминиевому каркасу крепится пятиметровая мачта с парусом, под мачтой вниз уходит киль, в морском деле называемый умным словом шверт, сзади – руль. Вот и все. Вся конструкция легко собирается и разбирается, ломаться в ней практически нечему, если целенаправленно не гнуть мачту и не протыкать поплавки. Поэтому они с Антоном для проформы несколько раз обошли вокруг всего этого добра. Вовка согнал с разложенного на земле паруса греющуюся на солнце лягушку. Убедившись, что все в порядке, они отправились на завтрак.

Каша у мальчишек подгорела, воду они до конца не вскипятили, поэтому чайники в чае грустно плавали сверху, не желая завариваться. Девчонки с тоской ковыряли ложками в мисках, всем своим видом показывая, что таким поварам, как их любимые мальчишки, не место на этой земле.

– На сборы полчаса, – командовал Антон, прерывая затянувшееся молчание. – Еще полчаса на подготовку катамаранов к спуску на воду. Через час общее построение.

– Время пошло, – с улыбкой садиста на лице произнесла Ира, поглядывая на часы.

Подхватив миски, все бросились к рукомойникам.

– Сатрапы! – недовольно бурчал Колька. – Поесть спокойно не дадут! Все у них по часам!

– Морской закон! – с пониманием дела кивнул головой Макс.

Спиря, не обладающий ни терпением, ни спокойным характером, грохнул миску в раковину и помчался в комнату.

Но сколько бы ребята ни возмущались, через полчаса все стояли около своих катамаранов. Первое, чему их научила суровая Ирка, – дисциплине и порядку. Кто-то проверял снасть, кто-то поддувал спустившийся поплавок, кто-то перетягивал палубу, кто-то замывал испачканный парус.

К выходу командиров все было готово. Три плавсредства замерли около воды, готовые к любым испытаниям. Рядом с ними стояли команды. Спиря, Серега и Пашка – в одной. Макс с Вовкой – во второй. К ним еще присоединился Антон. Третья команда была чисто женской – там были Ленка Снежкина и Майка Голованова. На борт к себе они брали Иру.

– На воду! – командовал Виноградов.

Все с готовностью подхватили свои катамараны и наперегонки помчались к мосткам. Через минуту три паруса дернулись, ловя слабый ветерок. Друг за другом команды медленно пошли к «большой воде».

Здесь порывы ветра стали сильнее. Первыми сумели выбрать нужное направление девчонки. Их катамаран, прозванный «Неторопливым», скрипнул мачтой и вырвался вперед. Спиря бестолково дергал парус туда-сюда, не давая ветру хотя бы сдвинуть их с места. Серега самозабвенно крутил руль, отчего их катамаран с гордым названием «Лихой» вертелся на месте, создавая вокруг себя легкие волны.

– Парус подобрать, руль вправо! – командовал Антон. – Направление на деревню. Макс, хватит дергаться, выравнивай руль. Володя, до конца вытягивай парус.

Вовка рванул на себя шкот, отчего ладоням стало горячо. Парус трепыхнулся, но Максим чуть подправил направление рулем. Парус хлопнул последний раз, тренькнул туго натянутый такелаж, и катамаран с легкомысленным названием «Настоящий» стал быстро набирать скорость.

– Парус по ветру, руль прямо, – крикнул Антон все еще стоящей на месте команде «Лихого». Судя по яростным воплям, там спорили, решая, что лучше сделать с самого начала. Но вот и они перестали дергаться и, все увереннее и увереннее выбирая курс, стали нагонять остальных. Вскоре три паруса мчались к далекому берегу.

Почувствовав на лице ветер, услышав, как журчит вода, разрезаемая швертом, увидев взвихряющиеся бурунчики, идущие за поплавками, Вовка позабыл обо всем. Он уже представлял себя храбрым пиратом, стоящим на носу пробитого в нескольких местах галеона. За бортом бушует море, в небе кричат испуганные чайки, от сильных порывов ветра трещат мачты. У руля стоит старый капитан, просоленный ветрами всех морей и океанов. Единственным глазом он зорко смотрит вперед, единственной рукой жестко держит штурвал, единственная нога уверенно стоит на скрипящих досках палубы. За его спиной – дубовые двери, за которыми спрятаны сундуки с сокровищами – хмельная добыча последнего похода. В сундуках – золотые дублоны, сверкающие бриллианты, блестящие драгоценности, слитки серебра...

Вовка так ярко все это представил, что казалось – протяни руку и коснешься столетней крышки сундука. Но что-то во всем этом ему не понравилось.

Из-за сундука вдруг потянулось щупальце, и стала выглядывать серая макушка спрута.

Видение тут же исчезло. Вовка качнулся, выпуская из рук веревку. Ослабленный конец паруса хлестнул Макса.

– Наковальников! Не спать! – прикрикнул Антон, и Вовка тут же поставил парус обратно. Теперь ему было не до ветра и плеска воды. Он перебрался поближе к центру палубы, с опаской косясь на далекий берег. По спине пробежал озноб.

Антон как будто почувствовал его тревогу. Он резко перегнулся вперед, развернул парус, отчего катамаран потерял ветер и встал.

– Перекур! – скомандовал Виноградов. – Есть предложение искупаться.

– Ура! – радостно завопил Макс, стягивая футболку. – Чур, я первый.

– Давай быстро! – кивнул командир. – Потом – мы с Вовкой.

– Тут же глубоко!

Представив, что ему придется нырять и куда-то плыть, Наковальников задохнулся и побледнел.

– На мели учатся плавать одни головастики, – авторитетно заявил Антон. – Настоящие моряки учатся на глубине.

«Настоящий» качнулся – Галкин рыбкой ушел под воду. Вовка ухватился за мачту.

– Ничего, – весело подмигнул ему Антон, расстегивая рубашку. – К концу месяца мы сделаем из тебя настоящего «морского волка». Главное – не бойся! Вода сама тебя будет держать.

Слова капитана радовали несильно. Непослушными пальцами Вовка стал искать пуговицы на шортах, но мысль о том, что ему, может быть, в который раз придется встретиться со своим двойником-мертвецом, заставила его замереть.

У катамарана показалась довольная физиономия Макса.

– Водичка – класс! – заорал он. – Теплынь. Вовка, давай купаться!

– Залезай! Мы потом.

Макс ловко вскарабкался на палубу, как собака встряхнулся и перехватил у Вовки веревки.

– Иди! – подтолкнул он приятеля.

С обреченностью приговоренного Наковальников подполз к краю, лег на живот и стал медленно опускаться в воду. Резкий толчок отбросил его в сторону – это прыгнул следом за ним капитан.

– А теперь – не забываем работать руками и ногами, – командовал Виноградов, пока Вовка пытался вновь уцепиться за катамаран.

Перед глазами плясало название «Настоящий».

– Барахтайся, барахтайся! – вертелся вокруг Антон. – Хлюпикам и нытикам на воде не место!

Вовка изо всех сил барахтался. Так барахтался, что в глазах потемнело. На мгновение он увидел, что катамаран уже значительно отошел от них, и зажмурился.

– Ногами! Ногами! – настырно кричал у него над ухом Антон.

Ногами не очень получалось, а вот руки взбивали воду в белую пену. От старания Вовку крутило на месте. Время от времени на своем загривке он чувствовал уверенную ладонь капитана. Казалось, прошла вечность, когда он смог наконец-то открыть глаза.

Катамаран покачивался на волне в пяти метрах от него. Где-то далеко-далеко виднелась крыша домика рыбака. Еще два всплеска, и домик исчез за плотной стеной деревьев.

Неожиданно для себя Вовка почувствовал прилив сил. Он перестал дергаться и спокойно огляделся.

– Ну вот! А ты боялся! – удовлетворенно пыхтел около него Антон. – Давай еще две минуты и вылезай.

Мимо, нагнав волну, пронесся «Лихой».

– А спорим, – заорал Колька, стягивая рубашку через голову. – Спорим, я донырну до дна!

– Спиридонов, – нахмурился Виноградов. – Отставить эксперименты.

– Я мигом! – прокричал Колька, рыбкой ныряя с борта.

Команды обоих катамаранов замерли.

– Время вышло, – напомнил Антон открывшему рот Вовке.

Наковальников вертел головой, пытаясь определить, откуда появится Спиридонов. Рядом с ним мелькнула темная тень. Из воды сначала вынырнул сжатый кулак, затем – рука и лишь потом – Колькина голова. Он широко распахнул рот, вдыхая воздух.

– Во! – завопил Спирия, раскрывая ладонь.

Сквозь грязные пальцы стекали ил и песок, из комка грязи торчала обломанная палочка. Колька поболтал кулаком в воде. И тогда на солнце сверкнул странный предмет – плоская, обтесанная по краям монета с полустертым изображением.

Увидев эту находку, Вовка одним рывком вытащил себя из воды, кубарем прокатившись по палубе.

– Спиридонов! – Антон подплыл ближе к ликующему Кольке. – Еще раз так сделаешь, и всю оставшуюся практику будешь сидеть на берегу, картошку чистить.

– А чего я? – сразу набычился Спирия, но договорить не успел.

Неизвестно откуда взявшиеся облака закрыли солнце. Шквальный ветер стал отгонять катамараны в сторону.

– Эй, куда? – завопил Колька, пряча добычу в плавки и устремляясь за «Лихим». – Серега, заворачивай!

Пашкович изо всех сил дергал парус, но что-то у него там заело, и катамаран разворачиваться отказывался. «Настоящий», сделав широкий круг, подошел к капитану. Антон ухватился за поплавок. Но скорость была слишком большой, чтобы он смог забраться на палубу. Оттого, что он болтался сбоку, катамаран кренило в сторону, поэтому он шел не по прямой, а по дуге.

Новый шквал, и «Настоящий» нагнал Спирию.

– Тормози! – до хрипоты заорал Виноградов.

Макс бестолково повел рулем, и катамаран на полном ходу налетел на Кольку. Спиридоновская голова мелькнула между поплавками, под палубой раздался глухой удар. Антона волной отнесло в сторону. Он несколько раз поднырнул.

Но Спиридонова нигде не было видно.

«Лихой» и «Настоящий» на большой скорости шли прочь. А навстречу им, едва касаясь волны, мчался «Неторопливый». Ленка с Майей сидели, уцепившись за палубу. У руля на коленях стояла Ирка. Глаза ее светились нехорошим блеском.

Глава II

Неудачное соревнование

– Первое. Купание с катамаранов запрещено! – Ирка вышагивала по центру маленькой кают-компаний, заложив руки за спину, отчего больше походила на циркуль, чем на человека.

– Второе. Подходить к воде без разрешения командиров категорически запрещено.

За ней, прислонившись к стене, стоял взъерошенный Антон, он нервно кусал губы и, не отрываясь, следил за передвижениями своей напарницы.

– Третье. После обеда каждый сдает мне зачет – проплывает сто метров, чтобы я убедилась, что все умеют плавать.

Вовка сидел, не поднимая головы, теребя распушившийся кончик пояса шорт.

– И четвертое! – Ирка остановилась напротив Спиридонова.

Колька хлопал красными от воды глазами, нервно взбивал все еще мокрые волосы и все время поглядывал на сидящего рядом Серегу, как будто от Пашковича зависела его дальнейшая жизнь.

– Еще одна попытка подводного плавания, и все отправляются домой. Это ясно?

Винокурова суровым взглядом обвела притихшую команду. Возражать ей никто не стал.

Как только собрание закончилось, Спирю окружили ребята. Колька довольно ухмыльнулся. На его бледном лице улыбка выглядела хиловатой.

Злосчастное столкновение с катамараном отбросило его назад, и он стал тонуть. Что было потом, Колька помнил смутно. Когда открыл глаза, перед ним маячило суровое лицо Ирки Винокуровой, откуда-то сбоку слышались вздохи и причитания девчонок. Антон держал его за руку, непослушными пальцами пытаясь нащупать пульс.

– Да жив он! – из ватной дали послышался голос Макса.

Из-за облаков показалось солнце.

Теперь Колька был несомненным героем дня, пострадавшим ни за что ни про что. По рукам ходила его находка – истертая монета со стесанными краями. Одна сторона была почти что гладкой, а с другой виднелся чей-то портрет, от которого осталась только лысая черепушка и впалые глаза.

– Класс! – восхищенно произнес Серега. – Ее надо какому-нибудь оценщику показать. Наверняка она бешеных бабок стоит.

– Интересно, как ее к нам занесло? – Находка была в руках у Пашки. – Она точно нерусская.

– Я место запомнил, – сверкая красными глазами, зашептал склонившимся к нему приятелям Спира. – Если что, можно еще попробовать нырнуть.

– Как ты это сделаешь? – нахмурился всегда рассудительный Макс. – После твоего купания нас вообще никуда не пустят.

– А, ерунда, – отмахнулся Колька. – Дня два последят, а потом им самим надоест. Вот тогда-то мы и совершим вылазку. Тут всего делов-то на час, не больше. Я когда нырял, точно видел – там еще есть. Мы после этой поездочки богачами станем. Каждый себе по катамарану купит! А ты чего, Килограмм, молчишь? Или закладывать нас побежишь?

В ответ Вовка только тяжело вздохнул. Ну вот, еще одно расстройство – за его невысокий рост и удобу противный Спира как-то обозвал его Килограммом. Теперь же эта кличка норовит прирасти к нему навсегда.

Во всей этой истории с потоплением Наковальников тоже успел отличиться. Когда Спиридонова общими усилиями вытащили на палубу и откачали, Колька первым делом полез про-

верить, на месте ли его добыча. Как следует разглядев монету, Вовка накинута на Спиру, пытаясь вырвать ее из рук приятеля.

– Выброси ее! Слышишь? – вопил он в красные Колькины глаза. – Выкинь прямо сейчас!

Он стал выкручивать Спире руку, но Колька быстро опомнился и оттолкнул взбесившегося Наковальникова.

– Завидно, да? – зло спросил он, пряча монету в карман шорт. – А раз завидно, ныряй – там этого добра много.

Вовка хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой – чтобы его поняли, пришлось бы все объяснять. На такой подвиг он сам был пока не готов.

Этот разговор состоялся еще на воде. Сейчас, вспомнив его, Вовка мгновенно покраснел, подобрал ноги, рывком поднялся.

– Никуда я не побегу, – пробурчал он. – Не стоит ваша монета ничего. Так, пустышка. А будете за ними нырять, перетонете все, поняли?

– С чего это вдруг? – нехорошо сощурившись, спросил Спиря. – Или ты будешь под водой сидеть и всех за ноги на дно тащить?

– Не я, – замотал головой Наковальников. – Вы сами... Я сказать не могу – не знаю как. Только выброси ты ее! Правда! Выброси!

– Псих, – хихикнул Пашка, вертя пальцем у виска. – Ты когда голову последний раз проверял, Наковальня?

– Не верите – и не надо, – сжал кулаки Вовка.

Грозный вид у него опять не получился. Приятели засмеялись, и разобиженный Наковальников бросился к выходу.

Кают-компания – так они называли просторную комнату на первом этаже, где обедали, обсуждали планы на следующий день и пытались хоть как-то настроить маленький черно-белый телевизор, чтобы знать, что происходит вокруг, – осталась позади. Чтобы попасть в свою комнату, нужно было подняться на второй этаж по узкой скрипучей лестнице. Лампочки здесь не было, поэтому ночью она была еще и темной. Днем свет падал сквозь небольшое пыльное окно.

Поднимаясь, Вовка не сразу обратил внимание, что на верхней ступеньке лестницы кто-то сидит. Маленький, светленький, в пышном голубом платье.

– Девчонки, вы чего тут? – на всякий случай спросил Вовка, боясь помешать какой-нибудь игре. Вырулишь неожиданно из-за угла, а они там переодеваются. Вот визгу будет!

Но уже договаривая вопрос, Наковальников понял, что никакие это не девчонки. На ступеньке сидела кукла. Лыняные кудрявые волосы, круглое глупое лицо с огромными глазами.

Черными глазами.

Кукла два раза махнула длинными ресницами и потянула вперед пухлую руку.

Игрушка была та самая, из сна.

Вовка застыл. По его телу пробежала дрожь. Он уже готов был закричать, но тут кукла дернулась в сторону – чья-то рука схватила ее.

По коридору простучали шаги.

Ошарашенный Вовка бросился следом, но в темном коридоре никого уже не было.

За спиной скрипнула лестница. От неожиданности Наковальников качнулся вперед. Но перед ним был неосвещенный коридор, в котором таился кто-то неизвестный, стащивший куклу. Поэтому Вовка вжался в стенку и перестал дышать.

Хрипя и откашливаясь, по лестнице поднимался Андрей Геннадиевич.

– Ох-ох-ох! – выдохнул он, добравшись до второго этажа. – Ну что, молодежь, еще не все потопли? – спросил хозяин, с трудом распрямляясь. – Чего молчишь-то?

Вовка не сразу понял, что обращаются к нему. Показалось, что в этот момент рядом находится еще кто-то. Но старик стоял, ожидая ответа, и Наковальникову пришлось шагнуть из полутьмы на свет.

– Чего это мы должны тонуть? – буркнул он, собираясь пройти мимо.

– Хилые вы все какие-то, как я погляжу, – усмехнулся хозяин. – Не то что раньше – богатыри! Вас же одной темнотой напугать можно. Чуть от берега отплыли – и уже на дне.

– Чего это мы на дне? – как заведенный повторил Вовка. – Мы все умеем. Вон – Колька монету со дна достал.

– Какую монету? – В глазах старика появилось любопытство.

– Восьмигранную. – Наковальников стал вспоминать Спирину находку. И зачем-то добавил: – Там еще череп с костями на одной стороне.

– Да ты что! – Брови Андрея Геннадиевича полезли вверх, белесые с красными прожилками глаза округлились. – Никогда не слышал о таких монетах. Из новомодных?

– Нет, – замотал головой Вовка. – Старая, вся проржавевшая.

Неожиданно хозяин шагнул вперед, встал на цыпочки и заглянул Наковальникову в глаза. На Вовку пахнуло прокисшим запахом старости.

– А где Колька-то твой? Внизу?

– Внизу, – кивнул Вовка, бочком, по стеночке отползая от странного собеседника.

– Ну-ну, – фыркнул старик. – Молодежь! Эх, молодежь!

И он медленно пошел вниз, вздыхая чуть ли не на каждой ступеньке. Вовка удивленно посмотрел ему вслед.

Неужели старик поднимался только за тем, чтобы поговорить с ним? Или он шел за чем-то другим, а потом передумал?

Странно все это.

Совершенно забыв о кукле и о ком-то страшном, что притаился в темном коридоре, Вовка пошел к своей комнате.

Спиридонов был героем дня недолго. После обеда все вновь вышли на берег. Колька многозначительно переглядывался с Пашкой и Серегой, напоминая о том, что им еще предстоит небольшая парусная прогулка к условленному месту.

Первыми зачет по плаванию сдавали девчонки. Выходя на мостики, Ленка с Майкой стеснительно хихикали, неуверенно трогали ногами воду, как бы проверяя, сильно ли она остыла за последние несколько часов.

Глядя, как они не спеша плывут отмеренные сто метров до застывшего неподалеку катамарана с Ирккой на борту, мальчишки ехидно подтрунивали над ними. И только Колька неожиданно побледнел и отвернулся от воды.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Антон вернувшимся девочкам. – Следующая пара.

На мостки лихо взбежали Серега с Пашкой, дурачась, поклонились во все стороны, демонстративно поразмахивали руками и одновременно спрыгнули с мостков. Они уже возвращались обратно, когда Серега странно дернулся. За его спиной возникла какая-то темная фигура и исчезла. Взметнулись над водой две серые руки.

Наковальников усиленно заморгал глазами. В заливе бултыхались только два неразлучных друга. Никаких фигур видно не было.

Последние несколько метров Серега проплыл на боку.

– Что? – наклонился к нему Антон, чтобы помочь вылезти на берег.

– Ногу свело, – виновато пробормотал Пашкович. – Накатило вдруг... Никогда такого не было.

– Давай руку! – Лицо Виноградова стало серьезным. Как только Серега встал на мостки, капитан повернулся к остальным: – Колян! Сейчас ты с Максом. – Он глянул на замершего Вовку и тише добавил: – С Наковальниковым я сам поплыву.

Галкин кивнул и резвой трусцой побежал к мосткам. Колька брел за ним. С каждым шагом голова его опускалась все ниже и ниже.

– Поехали! – дал отмашку капитан.

Макс коротко размахнулся и головой вперед ушел под воду. Спира с тоской проследил за движением приятеля и, вместо того чтобы прыгнуть, пошел обратно.

– Колян, ты чего? – удивился Антон. За его спиной замолчали до этого возбужденно переговаривавшиеся ребята.

– Я не могу, – посиневшими губами прошептал Спиридонов, сходя с мостков.

– Что не можешь? – Виноградов заглянул ему в глаза. – Тут плыть всего ничего...

Колька поглядел на притихших приятелей, на бодро работавшего руками Макса. В лице его появилась жесткость, резко обозначились скулы, в глазах мелькнуло что-то нехорошее. Он решительно крутанулся на пятках и вновь ступил на мостки. Со спины это выглядело так, будто ему предстояло пройти сквозь толпу и влезть по лестнице на эшафот.

«Не надо!» – хотел закричать Вовка, но промолчал. Его могли неправильно понять.

Мостки кончились, Спира сделал последний шаг и плашмя ухнулся в воду. Долгую секунду ничего не происходило. Прокатывались туда-сюда волны.

Макс поплыл обратно.

Пронзительно завизжала Майка.

Антон первым промчался по мосткам, на ходу срывая с себя рубашку и сбрасывая сандалии, за ним бежали Серега с Пашкой. Три фигуры одновременно мелькнули в воздухе. На поверхности тут же появилась безвольно откиннутая темная Колькина голова. Ленка лежала пузом на досках, руками пытаясь ухватиться за подталкиваемого снизу Спиридонова. Общими усилиями его вытащили на берег.

– Ну вы, ребята, даете, – только и смог пробормотать Антон, когда Колька наконец открыл глаза. – Что же вы сразу не сказали, что никто из вас плавать не умеет?

– Чего это не умеем? – обидчиво выпятил грудь Серега. – Умеем... – Но вспомнив сегодняшнюю неудачу со сведенной ногой, он замолчал и поник.

Спира глядел вокруг себя бессмысленным взглядом. Наконец его глаза остановились на Наковальникове.

– А! – завопил он, вскакивая. – Это ты!

Не ожидавшие столь бурной реакции ребята отпрянули в сторону. Колька мертвой хваткой уцепился за Вовкину рубашку.

– Это ты, – быстро зашептал он. – Я тебя видел. Там. Ты стоял и звал меня. Я запомнил! – Он отпрыгнул от Наковальникова и каким-то нехорошим взглядом посмотрел на Ленку. – И кукла! Там была кукла!

Руками вперед он полетел на Снежкину, но его успел перехватить Антон. Виноградов несколько раз встряхнул сразу же обмякшего Спиридонова.

– Прекрати истерику! – прямо ему в лицо гаркнул капитан. Потом он обвел взглядом притихшую команду. – Плавание на сегодня отменяется. Гуляем, дышим свежим воздухом, думаем о хорошем. Увижу кого около воды, тут же отправлю на паром и домой. Поняли? – Застывшие в немом оцепенении ребята молчали. – Все! Отбой воздушной тревоги! Разбежались.

Они расступились, пропуская Антона с Колькой. Капитан, осторожно поддерживая Спира, увел его в дом.

На крыльцо вышел Андрей Геннадиевич, с осуждением покачал головой и скрылся за углом.

– Ничего! Это пройдет! – как можно жизнерадостней сообщила Ирка. – Сегодня только четвертый день, впереди у нас еще три недели – как-нибудь со всем этим справимся.

Серега с Пашкой, перемигнувшись, отошли в сторону.

– Чего это он про какую-то куклу орал? – задумчиво спросил Макс. – В «Детский мир» на дне сходил? Наковальня, чего молчишь?

Задумавшийся Вовка вздрогнул.

– Не знаю я ничего, – буркнул он, засовывая руки в карманы шорт. – Мало ли что ему там привиделось?

Но упоминание о кукле и о том, что его, Вовку Наковальникова, видели на дне, не давало покоя его голове. Одно дело сон. Мало ли какой глюк ночью привидится? Но чтобы твой сон приснился другому, да еще днем – это уже слишком.

– Что-то вы тут все темните, – нахмурилась Винокурова. – Что у вас там произошло? Или кто подрался? Наковальников, чего молчишь?

– А чего сразу я? – Вовка решил пока ничего не рассказывать, потому что вся эта история могла сойти за бред сумасшедшего.

– Кукла... – почесала нос Ленка. – У меня нет никакой куклы.

– Точно! Я видела куклу! – вскрикнула Майка. – На втором этаже, в углу валялась! Большая такая... – Она развела руки, чтобы показать. – В голубом платье. Я еще подумала, откуда здесь может быть кукла? В доме нет маленьких девочек... Мальчишки, или это кто из вас притащил? – хихикнула она, глядя на притихших парней.

– Еще чего! – протянул Серега, чтобы хоть что-то сказать.

– Ну, тогда все объяснимо, – облегченно вздохнула Ирка. – Колян тоже видел эту куклу. В воде она ему и померещилась. Ладно, не забивайте себе этим голову. Завтра все забудется.

Она потрепала по голове сникшего Вовку и тоже пошла в дом.

– Братцы-кролики! – крикнула она уже у крыльца. – Оттащите катамаран подальше от воды и опустите парус. На сегодня плавание закончилось.

Серега с Пашкой тут же побежали к берегу. Но вместо того чтобы поднять катамаран и отнести его подальше к кустам, ребята потоптались около него, побросали на палубу спасательные жилеты и стали дружно спихивать «Лихой» в воду.

– Без Коляна они то место не найдут, – пробормотал Макс, глядя, как приятели спешно разбирают шкоты и опускают руль. – А с Коляном и подавно – Спиря теперь не пловец. Вообще вся эта затея с парусной практикой может скоро провалиться.

– Почему? – Вовка не отрывал взгляда от катамарана. Он ничего не понимал в том, что происходит. Одно только знал: в воду сейчас лучше не соваться.

– Плохо началось, плохо закончится, – как дурной вещун, закончил свою мысль Галкин. Белый парус проплыл мимо мостков и скрылся за деревьями.

– Не закончится, – пробормотал Наковальников.

Сам от себя не ожидавший таких слов, он снова покраснел, засмутился и побежал к насыпи, отделявшей водохранилище от канала.

Отсюда много что было видно. Паром был как на ладони. Сейчас лебедки его были опущены, потому что по каналу шли кораблики. Как послушные дети в детском саду, они двигались друг за другом, не сбивая строй и не забегая вперед. «Окский-6», «Окский-66». Проходя мимо будки паромщика, они сигналили и, не задерживаясь, шли дальше. На другом берегу стояли несколько человек, негромко тархтела машина – все ждали, когда возобновится переправа.

С другой стороны шумело водохранилище. Солнце скрылось, вместе с облаками появился сильный ветер, побежала волна.

«Лихой» шел вдоль берега. Ребята, нарядившись в разноцветные спасжилеты, старательно гребли, пытаясь как можно дальше уйти от залива, где стоял домик рыбака. Они все еще боялись, что глазастая Ирка заметит их и вернет обратно. Но вот катамаран дернулся – ребята, видимо, решили, что теперь их никто не остановит. Парус развернулся и бойко пошел к «большой воде», туда, где еле виднелись домики далекой деревни.

За Вовкиной спиной послышался долгий протяжный гудок. Последний маленький теплоходик, догоняя остальных, пробежал мимо станции. Люди на том берегу оживились, подхватывая сумки, стали выстраиваться в очередь, машина затарахтела громче.

«Интересно, куда они все собираются потом идти?» – подумал Вовка. После нескольких дней на берегу у него сложилось четкое представление, что они совершенно отрезаны от «большой земли», со всех сторон окружены водой и что больше ни одного человека на много-много километров нет. Оказывается, есть. Причем не так далеко. Где-то совсем рядом от их пристанища.

Паром неспешно преодолел небольшой канал, стукнулся о причал. Здесь у перил темнела одинокая фигура. Вовка ожидал, что человек, пропустив сходящих, отправится на тот берег. Но человек стоял, движением головы провожая каждого спускающегося.

Словно почувствовав к себе интерес, он повернулся. Это был Малахов, хозяин рыбацкого домика. Никого не заметив, Андрей Геннадиевич отвернулся и сразу же шагнул к последнему пассажиру. Им оказался кто-то невысокий с большим туристическим рюкзаком за плечами. Вовку удивило, что к темному рюкзаку был приделан ярко-оранжевый клапан – верхняя защитная ткань. Пассажир с хозяином о чем-то поговорили, старик кивнул и первым сошел на берег. Владелец рюкзака потопал следом. Вскоре оба скрылись за кустами.

Как только они ушли, Вовка вспомнил о «Лихом». Парус виднелся вдалеке, как белое пятнышко. Ветер крепчал, но пятнышко четко стояло на месте, как пришипленное.

Шквал прокатился по воде, подняв рябь. За ней пришла небольшая волна. Небо недовольно заурчало. Но облака еще не превратились в тучи – дождь если и пойдет, то не скоро. Парус все так же стоял на одном месте. Наковальников сейчас много бы дал, чтобы оказаться там, на «Лихом», и узнать, что творится у приятелей. А в том, что там не все гладко, он не сомневался.

По-хорошему нужно было идти к Антону и обо всем рассказывать. И не только о том, что ребята ушли одни, но и про сон, про странную монету, которую нашел Спирия, и про сидящую на лестнице куклу с черными глазами. Про таинственного жильца, что бродит в темноте и предпочитает не выходить на свет. Потом вместе с командиром помчаться к другому берегу, всех спасти и, скрываясь от надвигающейся грозы, полететь обратно.

Но ничего этого Вовка делать не стал. Во-первых, засмеют – здоровый тринадцатилетний парень, а боится каких-то глупых снов и темноты. Во-вторых, обидятся – пошел и всех заложил. В-третьих, ничего там с Пашкой и Серегой не случится – промокнут, замерзнут, намучаются с рулем и парусом, но до дома доберутся. Не через час, так через три.

О том, что может случиться что-то страшное, Вовка даже думать не стал.

Он посмотрел на притихший за его спиной дом. Старое двухэтажное здание тусклыми стеклами настороженно смотрело на залив. Вовке в какой-то момент показалось, что оно живое. Затаилось в ожидании чего-то нехорошего.

Ладно, хватит здесь торчать.

Он спустился обратно во двор. В окно кают-компании были видны головы ребят. Среди всех мелькнуло незнакомое лицо.

Посередине комнаты стояла невысокая девчонка в темно-зеленых штанах и такого же цвета футболке. Светлые кудрявые волосы, круглое розовощекое лицо, большие светлые глаза, пухлые губы. У ее ног, обутых в походные бахилы, лежал туристический рюкзак с оранжевым клапаном. Среди ребят, одетых в шорты и рубашки, и девчонок в сарафанах смотрелась она странно.

Новенькая приветливо улыбалась, переводя взгляд с одного лица на другое. Перед ней на столе сидел Антон.

– У вас здесь хорошо, – высоким нежным голосом пропела новенькая. – Влад мне все так и рассказывал.

– А чего он сам не приехал? – как можно равнодушной спрашивал Виноградов. Хотя и так было заметно, что ему о многом хочется расспросить девчонку. Но время расспросов еще не настало.

– У него сессия. – Широко распахнутые глаза доверчиво смотрели на капитана. – Он обещал появиться после первого экзамена.

– Ну что ж, – с какой-то обреченностью вздохнул Антон и оглянулся на застывшую у него за спиной Ирку, – располагайся в комнате у девочек. Майя, Лена, проводите Алину.

Новенькую звали Алина Бабкина. Она тоже ходила в клуб «Бригантина», только в другой отряд, он назывался «Ветер», их капитана звали Влад. И была у него смешная фамилия Король. В отряде ребята занимались пешими походами. Из-за каких-то семейных проблем Алина не смогла вместе со всеми уйти покорять Крым. Поэтому ее и отправили к ним, сюда, в домик рыбака.

В сопровождении всех Бабкина поднялась на второй этаж. От нечего делать мальчишки торчали в дверях, наблюдая, как из необъятного рюкзака появляются все новые и новые вещи. Первой на подушку была любовно усажена кукла. Самая обыкновенная, со светлыми льняными волосами, круглыми бессмысленными глазами и пухлыми розовыми ручками. На кукле были синий комбинезончик и белая футболочка. На вид ей было лет сто, щеки и глаза оказались старательно подкрашенными, костюмчик недавно подновлен.

– Смотри, – хихикнул уже порядком оправившийся Спира. – Она сюда приехала в куклы играть! Малявка!

В ответ он получил такой суровый взгляд светлых глаз куклиной хозяйки, что отшатнулся. Быстро подскочившая Майка захлопнула перед носами любопытных мальчишек дверь.

– Ее хозяин привел, – зачем-то сказал Вовка.

– Он всегда к парому бежит, – протянул Колька. – Все ждет кого-то. Это я еще в первый день заметил.

Ребята бессмысленно потоптались в полутемном коридоре.

– Ну что? – хлопнул в ладоши Спира. – Полезли на чердак?

– Здесь есть чердак? – удивился Вовка.

– Темнота ты, Килограмм! – хохотнул Колька. – Чем ты занимался несколько дней? По мамочке скучал? Это же интереснейший дом. Ему тыща лет! Странно, что он еще не развалился. – Спиридонов уверенно пошел по коридору. – Я там, на лестнице, даже водоросли нашел.

– Как водоросли? – спросил Макс, спеша следом. – Этот дом тонул, что ли?

– Тонул – не тонул, но под водой, видимо, побывал, – многозначительно бросил через плечо Спира и, как заправский спелеолог, нырнул в темноту.

Там оказалась дверь, за нею – лестница наверх. Колька пошарил под притолокой, достал огарок, чиркнул спичкой.

– Я здесь уже пару раз был, – загадочно прошептал он. – Только дед этот все время мешается – шастает туда-сюда. Однажды я полчаса за дверью проторчал на цыпочках, ждал, когда он уберется наконец. Ладно, пошли, одну вещь покажу, – поманил он за собой приятелей и ступил на лестницу.

На ступеньках действительно висели высохшие водоросли. В одном месте Вовке показалось, что он видит скелет рыбки. Он хотел рассмотреть получше, но Колька спешил наверх, унося вместе с собой единственный источник света.

Пять ступенек привели их к маленькой площадке. Вбок шло еще пять ступенек, упирающихся в чердачную дверь.

Первым в нее толкнулся Макс.

– Закрыто, – разочарованно прошептал он.

– А ты ждал фейерверк и туш в свою честь? – зло спросил Спирия, отталкивая застывшего на его пути Галкина. – Все делается гораздо проще. Наковальня, иди, встань на стрёме.

Вовка послушно спустился вниз, выглянул за дверь. В коридоре никого не было, да и весь дом казался вымершим. Он поднялся на площадку. Что происходило наверху, видно было плохо. Кажется, Спирия выкручивал из петель, держащих дверь, винтики. Вовке стало любопытно, он поднялся наверх.

– Ты куда приперся? – остановил его Колька. – За коридором следи, балбес. Когда надо будет, мы тебя позовем.

Обиженно засопев, Вовка спустился обратно. Но далеко не пошел, остался на площадке. Здесь он облокотился о стенку и, стараясь не смотреть на ребят, уперся взглядом в доски под лестницей. Постепенно глаза привыкли к прыгающему свету свечи. При этом неверном освещении он вдруг увидел, что доски напротив него не сплошные. Вовка пригляделся.

Там была дверь, замаскированная под стену. Маленькая деревянная ручка была похожа на сучок. Ни замка, ни запора...

Наковальников пошарил рукой. От простых толчков дверь не открывалась ни внутрь, ни наружу. Он даже не смог найти петли, чтобы, как Спирия, вытащить штыри. Казалось, что дверь не просто заперта, а намертво прибита гвоздями.

Вовка как следует изучил ручку – небольшая, затертая до гладкости. Ею пользовались! И довольно часто.

«Кнопка! Здесь должна быть какая-нибудь кнопка!» – догадался Наковальников, шаря руками вокруг. Но ни кнопки, ни рычажка не нашлось.

Оставалось предположить, что дверь открывается с помощью пульта или другого хитроумного приспособления. Отчаявшийся что-либо сделать, Вовка навалился на загадочную дверь плечом и по косою стал сползать на пол.

Вместе с ним дверь поехала в сторону.

Не ожидавший такого поворота событий, Вовка вскочил, испугавшись, что какой-то скрытый механизм все-таки заработал.

Но все оказалось гораздо проще – дверь по металлическим пазам откатывалась вбок.

Если бы здесь был свет, Вовка успел бы рассмотреть гораздо больше. Но в полной темноте он долгу минуту стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Внизу распахнулась дверь. Лестница осветилась. Прежде чем что-либо сообразить, Наковальников успел заметить, что комната завалена бараклом, в глаза бросился продолговатый ящик, покрашенный в желтый цвет. Потом он машинально шагнул вперед, задвигая за собой дверь. Наверху тоже что-то грохнуло, скрипнуло и замерло – Спирия с Максом успели забраться на чердак и спрятаться там, прежде чем вошедший человек заметил их.

Мысли лихорадочно скакали в Вовкиной голове. Почему стало светлее, он сообразил не сразу и, только ступив в каморку, понял, что кто-то решил подняться на чердак. И этот кто-то, скорее всего, был Андрей Геннадиевич, встреча с которым не обещала ничего хорошего.

Дверь внизу со скрипом закрылась, стукнув о косяк, заныли под тяжелыми шагами ступеньки. Первая жалобно тренькнула, прогибаясь. Вторая обиженно ухнула. Третья издала легкий испуганный стон. Четвертая басовито прогудела. Пятая несколько раз вздохнула.

Подосва чьего-то ботинка шваркнула о площадку. В дверь каморки негромко поскреблись.

Вовке показалось, что перед ним взорвался фейерверк – от испуга в глазах скакали разноцветные искры, кровь бешено пульсировала в голове. Он припал к стене, надеясь, что вошедший пойдет обратно или поднимется выше.

Но стоящий на площадке не спешил.

Вовкины ладони шарили по доскам, но двери не находили. Она как будто растворилась. Найди он сейчас дверь, и он был бы спасен – ее достаточно заклинить, чтобы в каморку никто не зашел.

С внешней стороны снова чем-то провели по стене.

Даже если сюда войдут, у Вовки еще был шанс остаться незамеченным.

Вытянув руки, он шагнул в сторону. Дрожащие пальцы коснулись прохладной шершавой поверхности, потом под рукой оказалось что-то мягкое. Дальше он нащупал нечто, похожее на сложенную ткань.

За стеной все еще продолжали шуршать. В Вовкиной голове всплыло совершенно неуместное воспоминание – встреча Нового года в школе. Тогда девчонки их класса устроили разные аттракционы. Среди них была «Комната мертвеца». Человека с завязанными глазами вводили в темный класс. Чей-то завывающий голос произносил:

– Неделю назад здесь умер один человек. Тело обнаружили только что. От него до сих пор идет трупный запах. – В лицо брызгали ядовитой жидкостью, от которой хотелось чихать и кашлять. – Вот останки его одежды. – Под руку подсовывали рваные тряпки. – Вот его обнажившиеся кости. – Пальцы касались чего-то жесткого. – Вот волосы. – Какая-то шерсть, разваливающаяся на клочки. – Вот зубы. – То, что это обыкновенная зубная щетка, догадаться можно было сразу. – А вот его глаз!

Палец быстро опускался во что-то густое и холодное, действительно похожее на глаз.

Это уже потом, выбежав на свет, можно было спокойно рассмотреть, что твой палец испачкан в зубной пасте. Но до этого ты успевал представить много всяких гадостей.

Вспомнив все это, Вовка замер, боясь нащупать что-нибудь похожее. Мало ли какие ошибки прошлого хранил здесь хозяин! Мог и пару трупов запрятать.

По площадке продолжали ходить. Но двигались теперь не только снаружи. Легкий ветерок коснулся Вовкиного лица. С правой стороны вздохнули. Еле слышно тренькнуло.

В глазах Наковальникова вновь взорвался фейерверк. В свете радужных искорок Вовка заметил, как с еле слышным стуком с желтого ящика отодвинулась крышка. На уровне его колена шевельнулась невысокая светлая фигура. По голой ноге задела чем-то жестко-шершавым. Рядом с тряпичным шелестом вздохнуло большое темное полотно. Оно надвинулось, собираясь прикрыть собой Наковальникова. Но у него еще хватило сил выставить вперед руку, и ткань замерла в миллиметре от его пальцев.

– Мальчик! – произнес механический голос.

В ту же секунду дверь отъехала в сторону, вместе со свежим воздухом впуская свет.

У Вовкиных ног стояла небольшая черноглазая кукла в голубом платье и внимательно смотрела Наковальникову в лицо. Ее пухлые ярко-красные губы улыбались, обнажая окровавленные зубы.

Ноге стало щекотно. Вовка чуть наклонился, чтобы увидеть, что там такое происходит.

В следующее мгновение он уже кувырком летел вниз.

Именно летел!

Потому что споткнулся на пороге комнаты, и, вместо того чтобы упасть, встать и спокойно спуститься вниз собственными ногами, он сгруппировался, сделав кувырок на площадке. Дальше Вовка шел без задержки, спиной и затылком пересчитывая ступеньки. В наружную дверь он ударился пятками. По инерции пролетел полкоридора и растянулся у ног Пашки с Серегой, только что поднявшихся на второй этаж.

Оба были бледны, исцарапаны и мокрые с головы до ног. В широко распахнутых глазах ясно читался испуг.

Глава III

Цунами местного разлива

– Это безобразие! – стуча сухоньким кулачком по столу, кричал Андрей Геннадиевич. – Почему вы не следите за своими детьми?

Антон внимательно вглядывался в выцветшие глаза старика и на каждый его всхлип начинал быстро кивать головой.

– Я вам сдал три комнаты и нижнюю гостиную, а не весь дом! Я, кажется, еще в первый день вас предупреждал, что не потерплю, если они будут везде лазить!

Ирка стояла у окна и демонстративно смотрела на улицу. Перед ней, переминаясь с ноги на ногу, вздыхал Вовка. В волосах у него застряла паутина, под коленкой красовалась свежая ссадина, от которой вниз тянулся подсохший кровавый след.

– Я последний раз предупреждаю – запретите мальчикам залезать на чердак и входить на мою половину.

– А кто туда входил? – попытался защититься Вовка. – Я там и не был.

– Молчать! – взвизгнул старик, и лицо его опасно налилось кровью. Вовка испугался, что Малахов сейчас умрет от разрыва сердца.

– Владимир, – покачала головой Ирка.

– На чердаке лежат ценные вещи и снасти, – уже хрипя, твердил хозяин. – Если хоть что-нибудь пропадет...

– Нет там ничего ценного, – снова возмутился Вовка, вспоминая кавардак в каморке и куклу. Уж не из-за нее ли старик так разорался?

– Хулиганье! – снова вспыхнул Андрей Геннадиевич. – Я вас предупредил. Увижу еще кого-нибудь, немедленно, сразу же вызываю милицию. Она вас увезет... и не домой, а в тюрьму!

Наверху до боли знакомо хлопнула чердачная дверь. Прошуршали торопливые шаги, в кают-компанию заглянули бледные, взлохмаченные Спира с Максом. Увидев их, старик задрожал, сжал свои маленькие кулачки и, не видя больше ничего перед собой, пошел к выходу.

Как только за ним закрылась дверь, Вовка нервно заржал.

Тогда в каморке его жутко напугала кукла с окровавленными зубами. А когда он увидел кровь на своей ноге, то бросился в панике бежать. Даже в самых кошмарных снах ему не представлялось, что в конце жизни он будет съеден наглым маленьким созданием. Выбегая, он сбил с ног замершего на пороге Андрея Геннадиевича. Это окончательно доконало старика. Он не пошел выше и не успел заметить спрятавшихся Кольку с Галкиным – тогда бы его точно хватил инфаркт. Весь свой гнев он обрушил на несчастную голову Наковальникова.

Малахов так кричал, что в суматохе никто не обратил внимания на странный вид Пашки с Сергей и на то, что «Лихой» лежит на берегу со спущенным поплавком да к тому же перевернутый.

Вовка уже смирился с мыслью, что всю вину за эту глупую вылазку придется принимать на себя. Но тут очень вовремя из своего укрытия вылезли Спира с Максом. Их появление спасло несчастную Вовкину голову.

Андрей Геннадиевич еще долго фырчал, хрипел, грозя в воздух кулаком и сурово качая головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.